

Из Райнера Марии Рильке

Перевод с немецкого Олега Комкова

Осень

Слетают листья, словно вдалеке,
за облаками вянет сад печальный;
летят с небес, являя жест прощальный.

И тяжкий шар земной в ночи хрустальной
из далей звёздных падает в тоске.

Мы падаем. Вот падает рука.
И так во всём: безмерно тяготенье.

Лишь Кто-то наше хрупкое паденье
несёт в ладонях нежно сквозь века.

Herbst

Die Blätter fallen, fallen wie von weit,
als welkten in den Himmeln ferne Gärten;
sie fallen mit verneinender Gebärde.

Und in den Nächten fällt die schwere Erde
aus allen Sternen in die Einsamkeit.

Wir alle fallen. Diese Hand da fällt.
Und sieh dir andre an: es ist in allen.

Und doch ist Einer, welcher dieses Fallen
unendlich sanft in seinen Händen hält.

Дух Ариэль

(По прочтении шекспировской "Бури")

Был некогда освобождён от уз
он тем рывком, каким к великим тайнам
ты в юности помчался без оглядки.
Стал верным он, гляди: готов доселе
служеньем искупать свою свободу.
И, гордо подавляя смутный стыд,
ему повелеваешь то и это
исполнить снова – ах, напомнив строго,
что сделал для него. Но видишь сам,
как без того, что в нём тобой сокрыто,
пустеет воздух. Сладок сей соблазн:
с ним распрощаться, волшебство отринув,
отдаться, как и все, во власть судьбе
и знать, что светлым, дружеским участием,
легко, непринуждённо, бескорыстно,
в дыханьи мира праздно растворён,
отныне наполняет он стихию.
И дальше жизнь влачить, утратив дар,
не в силах онемевшими устами
его призвать. Слабеть, стареть, нищать –
и все ж вдыхать *его*, как неземной,
чуть слышный аромат, что нам способен
явить незримое. Смеясь над тем,
как смел в такое грозное общенье
легко вступать. А может быть, и плача
от мысли, что тебя он так любил
и в то же время так желал покинуть.

(Очнулся ль я? Мне странен человек,
вновь ставший герцогом. Продёрнув нить
сквозь голову и среди прочих кукол
себя подвесив, молит он Игру
о милости... Ужасный эпилог
величия! Отречься – и остаться
с одной своею силой, "коей мало."*)

*"...und das ist wenig." – "...which is most faint...": цитата из заключительного монолога Просперо (Шекспир. «Буря». Акт 5).

Der Geist Ariel

(Nach der Lesung von Shakespeares Sturm)

Man hat ihn einmal irgendwo befreit
mit jenem Ruck, mit dem man sich als Jüngling
ans Große hinriß, weg von jeder Rücksicht.
Da ward er willens, sieh: und seither dient er,
nach jeder Tat gefaßt auf seine Freiheit.
Und halb sehr herrisch, halb beinah verschämt,
bringt mans ihm vor, daß man für dies und dies
ihn weiter brauche, ach, und muß es sagen,
was man ihm half. Und dennoch fühlt man selbst,
wie alles das, was man mit ihm zurückhält,
fehlt in der Luft. Verführend fast und süß:
ihn hinzulassen -, um dann, nicht mehr zaubernd,
ins Schicksal eingelassen wie die andern,
zu wissen, daß sich seine leichte Freundschaft,
jetzt ohne Spannung, nirgends mehr verpflichtet,
ein Überschuß zu dieses Atmens Raum,
gedankenlos im Element beschäftigt.
Abhängig fürder, länger nicht begabt,
den dumpfen Mund zu jenem Ruf zu formen,
auf den er stürzte. Machtlos, alternd, arm
und doch *ihn* atmend wie unfäßlich weit
verteilten Duft, der erst das Unsichtbare
vollzählig macht. Auflächelnd, daß man dem
so winken durfte, in so großen Umgang
so leicht gewöhnt. Aufweinend vielleicht auch,
wenn man bedenkt, wie's einen liebte und
fortwollte, beides, immer ganz in Einem.

(Ließ ich es schon? Nun schreckt mich dieser Mann,
der wieder Herzog wird. Wie er sich sanft
den Draht ins Haupt zieht und sich zu den andern
Figuren hängt und künftighin das Spiel
um Milde bittet Welcher Epilog
vollbrachter Herrschaft. Abtun, bloßes Dastehn
mit nichts als eigener Kraft: "und das ist wenig.")

Эрос

Маски! Маски! Эрос ослепляет!
Нестерпим его лучистый нрав.
Солнцеликим летом он пылает,
вешних дней прелюдию прервав.

Как внезапно смолк беспечный лепет –
лица стали строги... Вскрик затих...
И бросает он священный трепет,
словно тьму алтарную, на них.

О забвенье, смертное забвенье!
Бог объемлет и разит.
Жизни судьбоносное вращенье...
И в душе родник слезит.

Eros

Masken! Masken! Daß man Eros blende.
Wer erträgt sein strahlendes Gesicht,
wenn er wie die Sommersonnenwende
frühlingliches Vorspiel unterbricht.

Wie es unversehens im Geplauder
anders wird und ernsthaft... Etwas schrie...
Und er wirft den namenlosen Schauer
wie ein Tempelinnres über sie.

O verloren, plötzlich, o verloren!
Göttliche umarmen schnell.
Leben wand sich, Schicksal ward geboren.
Und im Innern weint ein Quell.

Приди, последняя, кого признаю...

Приди, последняя, кого признаю,
ткань плоти сожигающая боль:
как прежде в духе, ныне полыхаю
в тебе; уже дрова черны как смоль
и тихо вторят огненному строю, —
теперь питаю я твой жаркий зев.
В том кротком существе, что было мною,
нездешний, адский рдеет гнев.
Взошёл я на костёр в расцвете сил,
свободен, чист от помыслов грядущих:
мне будущего не купить средь сущих
на всё, что в сердце молча накопил.
Я ль это, потерявший облик свой?
Воспоминанья — смутный рой агоний.
О, жизни бег потусторонний!
Я пламенею. Всем вокруг чужой.

Декабрь 1926 — последняя запись в блокноте

Komm du, du letzter, den ich anerkenne...

Komm du, du letzter, den ich anerkenne,
heilloser Schmerz im leiblichen Geweb:
wie ich im Geiste brannte, sieh, ich brenne
in dir; das Holz hat lange widerstrebt,
der Flamme, die du loderst, zuzustimmen,
nun aber nähr' ich dich und brenn in dir.
Mein hiesig Mildsein wird in deinem Grimmen
ein Grimm der Hölle nicht von hier.
Ganz rein, ganz planlos frei von Zukunft stieg
ich auf des Leidens wirren Scheiterhaufen,
so sicher nirgend Künftiges zu kaufen
um dieses Herz, darin der Vorrat schwieg.
Bin ich es noch, der da unkenntlich brennt?
Erinnerungen reiß ich nicht herein.
O Leben, Leben: Draußensein.
Und ich in Lohe. Niemand der mich kennt.

Dezember 1926 - die letzte Niederschrift